Пережить зиму в Стокгольме

Автор:
Агнета Плейель

Пережить зиму в Стокгольме

Агнета Плейель

Агнета Плейель – известная фигура в культурной жизни Скандинавии: автор пьес и романов, поэт, лауреат литературных премий, профессор драматургии, литкритик, журналист. Ее книги переведены на 20 языков. Главная героиня повести «Пережить зиму в Стокгольме» (1997) переживает болезненный развод с мужем и, чтобы легче понять и пережить происходящее, начинает вести дневник. Поскольку героиня – литературовед, в ее быт и размышления о жизни органически вплетены идеи мировой культуры. Записи о волнующих героиню проблемах, о ее отношениях с мужчинами, воспоминания наполнены отзвуками психоанализа и явными или скрытыми аллюзиями.

Агнета Плейель

Пережить зиму в Стокгольме

Один

Когда он говорил, слова звучали непривычно: нежнее и мягче. Язык проскальзывал через препятствия согласных, а гласные сливались в единый порыв, как ветер, проходящий сквозь крону каштана. Позже она пыталась произнести название города так же, как он, но у нее ничего не получалось.

Она робела перед словом и городом:

САРАЕВО

Большие пугающие картины на стокгольмских автобусах – нищие люди, жалобные глаза детей и большой черный номер банковского счета: мольба о помощи. Они перешли через дорогу, он закрыл лицо рукой. Немыслимо, сказал он, видеть картины, напоминающие репортажи о голоде в странах Третьего мира, но уже из собственной страны. Он подчеркнул: моя страна. Это было в середине ноября. Автобусы брызгали пешеходам на ботинки и брюки грязным снежным месивом. Они подошли к дому, где он сидел и писал, – комнатка в Вазастане, районе, где она редко бывала. В комнате было холодно, и застывающий пар висел в воздухе. У стола стоял обогреватель, на столе – взятый напрокат простенький компьютер, принтер и допотопный факс. Если я забуду тебя, Сараево…… В маленьком радио в магнитофоне на подоконнике набирала силу виолончель – Бах. Пабло Казальс. Магнитофон он привез с собой из дома: мне надо слышать эту музыку, когда я работаю. Из принтера ползли страницы текста. Он ходил по комнате, руки в карманах брюк. Он был обеспокоен. Она уже научилась замечать перемены в его настроении.

СТОКГОЛЬМ В НОЯБРЕ:

арктический город под парусом, серо-коричневое небо, дома кружатся туда и сюда, медленно опускаются в невидимое. Проблеск лихорадочного румянца между чернотой земли и неба. Бледные неоновые огни за окнами автобуса, патетический призыв. Стокгольм в ноябре неописуем и уплывает из жизни в зиму.

I HAVE BEEN CALLING FOR MORE THAN AN HOUR… Я пытаюсь дозвониться уже больше часа…

Она поняла, что телефон звонит уже довольно долго, прежде чем она услышала, и заспешила, спотыкаясь, через провод пылесоса, через коробки и стопки книг в коридоре, диски, хоккейные клюшки, футбольные мячи, связки газет и пластинок, пакеты с одеждой, все, что она вытащила из гардеробной, ящиков и шкафа. Выругалась вслух. На улице было темно. А вся квартира залита светом от ламп – на потолке, на стенах. Так лучше. Больше света, зажечь все лампы. Сначала она не поняла, кто с ней говорит. Голос был незнаком.

BUT IT’S ME! Это я!

Она отпихнула ногой коробку, вытащила из-под хлама табуретку и села. Иногда звонят те, кого мы не видели много лет. Чей голос больше вообще не ожидали услышать. Да, она действительно долго разговаривала по телефону, может, и час. Потом стала пылесосить. А что ты здесь делаешь, ты эмигрировал? Он рассмеялся ее растерянности. Нет, он не эмигрировал. Хотя шведские полицейские на границе определенно проявили подозрительность, тщательно изучали документы и задавали вопросы. Пока он говорил, его лицо проявлялось, как на фотографии: ясные глаза – карие или серые, она точно не помнила, красиво очерченный рот, чувственный и дразнящий; с этим мужчиной она когда-то провела ночь, единственную. Сколько лет назад? Одиннадцать, ответил он.

СКОПЬЕ

Ее отвез туда один из организаторов конференции, с поцелуями в щеку пожелал счастливого пути, оставил прощальный презент – коричневый керамический горшочек с круглой ручкой. Пройдя паспортный контроль, она стояла у стены и рассматривала пассажиров, положив руки на перила, идущие вокруг зала ожидания. Было жарко, почти до дурноты. Многие приехали домой с заработков, в отпуск, они несли узлы и коробки или сидели на полу, все стулья были заняты. Через пыльные окна виднелись деревья – сухие, утомленные жарой, с умирающими корнями. Скопье – она помнила заголовки времен землетрясения 1963 года, фотографии развалин, бездомных и погибших. Город был разрушен за несколько секунд. Теперь его отстроили заново, по-современному, с белыми стандартными многоквартирными домами. Она была здесь на конференции в

Струге: очень большой отель, поэты со всего света – по вечерам, освещенные прожекторами, они читали стихи на мосту через быструю речку. Местные жители, и мужчины, и женщины, приходили послушать. Они сидели или полулежали в темноте на высоких, заросших травой берегах. Она тоже сидела там на газете, обхватив колени руками, слушала журчанье воды, думала о чем-то постороннем и пыталась хоть что-нибудь разобрать в незнакомом языке с помощью перевода из громкоговорителя.

ОДИННАДЦАТЬ ЛЕТ НАЗАД

Хотя все были слегка сонные от жары и вина, человек за столом под высоким деревом говорил без остановки, слова жужжали и уносились в небо. Малые языки – это карманы для человеческой памяти, сказал профессор из Любляны и провел элегантную параллель с местом, где они находились: Охридское озеро, одно из самых глубоких в мире, остаток Эгейского моря, точно сосуд, сохранило естественные изгибы земли позднего миоцена с подземными речками и уникальной пресноводной фауной. Однажды, соскучившись по тишине, она в одиночку сбежала в Охрид, красивый город, куда ей хотелось бы когда-нибудь вернуться, – крутые каменные лестницы между белыми домиками, увитыми благоухающими белыми и красными цветами, и далеко внизу ярко-синяя неподвижная поверхность моря. Она зашла в музей с почерневшим деревянным полом и иконами на стенах – темные всевидящие глаза, характерно поднятые руки с соединенными средним и большим пальцем; желтая бабочка, заблудившаяся среди картин. На террасе с пустыми столами под белыми скатертями и заброшенной оркестровой балюстрадой она выпила бокал белого вина. Близился вечер, тени удлинялись. Пара мальчишек пинала мяч, подул легкий ветер, и сидеть там было приятно.

ПИСАТЬ

сохранять важные мгновения, их следы, прежде чем забвение потушит свет. Искать закономерности – может, их нет. Самое сложное: быть беспристрастным.

ДОМОЙ:

в самолете тоже было жарко и пахло дезинфицирующим средством. В хвосте она нашла место у окна. Салон быстро заполнялся. Сумки, пальто и узлы загружались в отсек над головой. Кто-то сел рядом с ней – мужчина в джинсах и белой рубашке. К счастью, не толстый, место на подлокотниках оставалось. Когда самолет повернул, под крылом косо показался весь Скопье, белые дома, аллеи, заводы, дороги. Скоро стали видны горы, черные скалы возносились к небу, как колючие восклицательные знаки – властные, неприрученные. Между ними ширились пропасти или мерцали голубым узкие ущелья. Она рассматривала из окна тени облаков и скользящий свет. Лететь надо было с пересадкой. Сначала до Белграда, а может, это был Загреб, и там ночевать. Ее сосед, с волосами до плеч и точеным профилем, читал газету на каком-то славянском языке. Она увидела через его плечо фотографию Каунта Бейси. Когда горы исчезли под пушистыми, освещенными солнцем облаками, они разговорились. Он тоже должен был ночевать в этом городе и утром лететь дальше, в Париж. Скоро она поняла, что он сел рядом не случайно. Он заметил ее еще в аэропорту. Это был Эмм.

«ГЕССЛИНГЕН». «Утенок»

Это странное название она продиктовала по буквам в телефон. Она не пригласила его домой, хотя жила теперь одна, а предложила встретиться в ресторанчике на соседней улице. Она продиктовала и название ближайшей станции метро, Зинкенсдамм, и улицы, Бреннщиркагатан, а после нагромождения всех этих невозможных звуков она хотела объяснить дорогу, но он ее перебил. У него есть отличная карта, нет проблем. YES, TUESDAY. Да, вторник, в семь часов.

ЗЕРКАЛО В ВАННОЙ:

поразительно, насколько чужим может стать собственное лицо. Глаза забыли виденные недавно события, губы забыли произносившиеся слова. Случайная

встреча одиннадцать лет назад должна была бы уходить в забвение все глубже, но вдруг произошедшее тогда приобретает неожиданное значение.

КОНЕЦ АВГУСТА

Ей приснился кошмар.

Она жила в большом доме с множеством залов и роскошным цветущим садом вокруг. Дом стоял на заросшем травой холме, и вид из окна открывался столь широкий, что было видно закругление земли: маленький зеленый шарик, заброшенный во вселенную. Она бродила по саду, цветы благоухали. Стояла тишина, ветер был легок, как эфир. Вдруг рядом с собой она заметила двух девушек. Одна – сама естественность, как будто вышла из народной песни – простая, светловолосая, с глазами ясными, как родниковая вода. Вторая – темненькая и печальная, ее лицо было скрыто в тени. Обе девочки, лет шестнадцати, любили, как и она сама, ее мужа и тоже жили с ним, причем это ее не тревожило. Это было само собой разумеющимся. Муж должен был вернуться к ней, он сказал ей это утром по телефону. Теперь они собирали все вместе цветы к его возвращению. Да, любимый должен вернуться. Отъезд и развод были просто недоразумением. Потом там, во сне, она бродила среди толпы и увидела в небе рыцарские доспехи. Они летали вокруг земли, как спутник, и возвращались через короткие интервалы: орбита была небольшой. И тут она с ужасом заметила, что внутри доспехов живой человек. Он умирал. Она встретила подругу, которая взволновалась при виде сателлита, – отвратительно, что мы привыкли к такому состоянию! Вдруг она увидела мужа, идущего навстречу. Сама не своя от радости, она побежала к нему. Но рядом с ним шла светловолосая девушка. Эти две фигуры, мужчина, которого она любила, и девушка, шли так близко, что почти слились, их нельзя было бы разделить даже ножом. Она замедлила шаги. Так, значит, это правда. Муж бросил ее ради другой – этой простенькой девочки с искренним лицом. Громыхающие доспехи снова промелькнули на небе. Быстро темнело. Люди возбужденно говорили о катастрофе в водной системе в глубине материка. Ей пришло в голову, что это произошло, когда она была еще маленькой. Люди быстро удалялись, и она осталась одна. На мгновение она увидела среди убегающих ту печальную темную девушку, ее лица по-прежнему не было видно. Когда все исчезли, она не знала, куда идти. И тут пришла светловолосая, одна, и протянула ей руку, как будто хотела сказать что-то важное. Ее лицо выражало сострадание, большую

жалость. Она не взяла руку, и девушка исчезла. Уже наступила ночь. Она стояла на краю черной бурной реки. Быстро приближалась большая моторная лодка, забитая беженцами с места катастрофы. Когда она уже собиралась прыгнуть в лодку, увидела сидящих тесно прижавшись друг к другу мужа и светлую девушку. Это было невыносимо больно. Ей хотелось громко кричать. Вместо этого она прыгнула в лодку – если она хотела выжить, другого выхода не было. Лодка вынесла их в ее детство: к мосткам в шхерах, где она проводила каждое лето, когда была маленькой.

СЕРДЦЕ

колотилось. Не сразу, только через несколько минут она поняла, что это был сон – настолько живо все было. С пересохшим ртом она вылезла из постели.

ВОЙНА

Какому рыцарю принадлежали доспехи, парившие вокруг земли? Кто был умирающий? Сторонник технического прогресса? Идеальный мужчина прошлых эпох, умирающий патриархальный порядок? Кто были эти девочки, кто она сама? Сон не отпускал. Она стояла на балконе в халате, на березы уже просыпались брызги желтизны, но в воздухе покалывал холод. С залива тек мягкий туман. Контуры камней смягчились от влаги. Она принесла утреннюю газету. Сараево. Ей чуть плохо не стало от чтения. Новый порядок в мире был только словами на бумаге. Ей казалось, что квартира, где она теперь живет одна, парит высоко в небесах. Принцесса в высокой башне, брошенная принцем. Можно сойти с ума.

НОВЫЙ МИРОВОЙ ПОРЯДОК

Год назад, в Иерусалиме, они сидели на полу в герметично закрытой комнате, то есть в обычной спальне, но с заделанными окнами. Они – она и ее муж – держались за руки, думая о том, что ракеты с западной границы Ирака несут с

собой газ. Такую информацию жильцы получили накануне вечером. При атаке соблюдайте спокойствие, никакой паники, сказал человек, который их инструктировал. Он был довольно молод, у его ног стояла коробка с противогазами. Взрослые заняли все скамьи и стулья в подвале, детям пришлось сидеть на полу. Израиль хорошо осведомлен о предстоящих действиях Ирака, сказал инструктор. Соседка Якоба по площадке, пожилая дама, переводила им. Об атаке мы узнаем минимум за шесть часов. Если оружие конвенциальное, мы должны идти сюда, в подвал, он обустроен для этого. А если ракеты с газом, мы должны подняться на верхний этаж, где несколько квартир оборудованы для таких случаев. Соседка, женщина из Польши с отливающим синим волосами, кивала приветливо и успокаивающе. Логично, что, если газ опускается вниз, надо находиться наверху. Лифтом пользоваться нельзя, только ходить по лестницам. Желающим раздали противогазы. Они выглядели очень современно и не были похожи на тот, что висел в гардеробе отца со времен войны. Эти модерновые маски имели маленькое отверстие, через которое человек мог пить, точнее, сосать. Когда сирена разбудила их посреди ночи, соседи уже бежали наверх, полуодетые и полусонные, многие с детьми на руках – все в страшной спешке. Они последовали за ними. Она запомнила чувство – холодное возмущение, трезвость ума и слабая дурнота. Раньше она не знала, что это и есть страх. Четыре или пять часов они просидели со всеми на полу в убежище, бывшей спальне, уверенные, что сейчас их накроет газ Саддама Хуссейна. Было очень тесно. Около нее и Якоба сидела восьмилетняя девочка, напуганная противогазом и видом матери, похожей на насекомое, – она была занята около двуспальной кровати орущим в газонепроницаемой люльке младенцем; кондомообразный пластиковый конверт позволял ей гладить ребенка, заходящегося там, внутри, от крика. Отец девочки и старшие братья стояли в масках, раскачиваясь, у окна, погруженные в молитву. Польки не было видно. Она оставалась в своей квартире и не надевала противогаз. Понимаете, ничто на свете не заставит меня натянуть на себя столь странный предмет, сказала она потом: она была узником в Аушвице. На следующее утро друг Якоба отвез их в отель к Аббе Эбану. Эбан тоже провел ночь на верхнем этаже отеля в специальной комнате. Его лицо было серым, как бумага, но он говорил четким голосом о порядке, который повлечет за собой война: новый правопорядок в мире. Персонал накрывал завтрак в столовой, гремела посуда. Через открытую дверь она увидела американскую семью ортодоксов, отец и сыновья носили пейсы. Они сложили свои маски на столе как менору: очень скоро наступал шаббат. Кто-то бренчал на рояле марки «Ямаха». Абба Эбан спокойно рассказывал: война показала силу демократии. Но ведь уже тогда начинались стычки, предшествующие распаду Югославии. С насилием, которое потом последовало, не смогла справиться никакая демократия. Пока Эбан говорил,

люди входили и выходили из столовой и отеля, они напоминали стаи птиц или толпы мертвых душ у Данте.

ПТИЦЫ

Через несколько месяцев мужчина, чью руку она держала в убежище и с которым они были женаты много лет, признался, что любит другую женщину, не только ее, но и другую тоже. Это имело какую-то связь с пребыванием в Иерусалиме. Пьяная, выкурив сто сигарет за ночь, она шла на рассвете, обхватив себя руками, через парк рядом с домом, где они жили, и слышала пение птиц. Это была весна и новый миропорядок.

ПРИНЦЕССА

в высокой башне, принцесса на стеклянной горе была заколдована королем, своим отцом. Никто из просителей руки не смог разгадать загадку, никто не смог въехать по скользкому крутому склону. Так написано в сказке. Заколдована ли она отцом? Этого она не знала. Ее отец был хорошим и разумным человеком.

ПИКАРЕСКА

В молодости она представляла, что когда-нибудь напишет авантюрный роман, пикареску, где главным героем будет женщина; эта идея сидела в голове несколько лет. Книга так и не была написана, даже начата не была. Ей казалось, что теперь она знает почему.

КАК ВОСПРИНИМАЮТ МЕНЯ ОКРУЖАЮЩИЕ?

Об этом она знала мало. Это как со снами: человек не может правильно истолковать их сам, это так же сложно, как увидеть себя со спины. Женщина заперта в глазах мужчины, она не может истолковать взгляды; она объект, как стать субъектом? Проблема не банальна. Когда она в молодости читала Ницше, особенно строчки о сверхчеловеке, ей подумалось, что в первую очередь она должна побороть в себе женщину. Мужские взгляды объективны. Она искала объективный взгляд и пыталась ему научиться, для этого надо было отстраниться от своего пола. Она была беспомощна во многих ситуациях, например если надо кому-то отказать. Ей стоило бы применить обычную мужскую бесчеловечность, а она извивалась, как червяк на крючке: отказ казался ей столь глубоко оскорбительным действием, что она мучилась больше, чем мужчина, которому отказывала.

Именно так произошло и на конференции одиннадцать лет назад. Один из югославских организаторов оказался традиционным конференским козлом, который пытался подражать Хемингуэю, постоянно пил виски и беспрерывно к ней приставал, да еще ожидал, что она порекомендует его эпигонские рассказы шведскому издательству. Его властная манера отнимать ее время, вся эта игра, ее неспособность положить конец заигрываниям мешали ей сказать прямо, что она думает о его рассказах, хотя, конечно, надо было найти выход. Четыре или пять дней она пыталась перевести все в шутку. Не поощряла его ухаживания. Иронизировала, меняла тему разговора, старалась уйти. Говоря честно – а почему бы и нет? – этот человек испортил всю ее поездку в Македонию. Ей казалось, что она пошевелиться спокойно не может. Остальные оставили поле ему. Он обозначил свою территорию, включающую ее. Она сбегала – один раз к иконам Охрида. Почему она не дала ему пощечину? Почему такое простое и прямое действие ей недоступно? Явная брешь в инстинкте самосохранения.

Именно этот человек привез ее в аэропорт в Скопье. HOW CAN YOU BELIEVE THAT I SLEPT WITH THAT GOAT! (Как ты мог подумать, что я спала с этим козлом!) Вопрос Эмма ее искренне возмутил, и она ответила с нажимом. Эмм заметил ее, как только она приехала в аэропорт в компании этого назначившего себя преемником Хемингуэя. Тайком наблюдал за ней, когда она стояла в зале; позже он спросил ее, спала ли она с тем человеком. Теперь, когда она пишет об этом много лет спустя, она кажется самой себе слегка смешной, как будто прикоснулась к тому, о чем другие знают гораздо больше, другие женщины.

ЭММ:

совсем неназойливый. Беседа в самолете текла легко и непринужденно. Она рассматривала его со стороны – приятное, тонкое лицо. Они отправились в один отель, каждый в свой номер. Привлекательный мужчина, интересный человек.

ЛИСТОПАД В НЕЗНАКОМОМ ГОРОДЕ

Естественно, вечером они пошли поужинать вместе. Она никогда здесь раньше не была, а он неплохо знал город. Серые камни, желтые фонари, охапки листьев под ногами и легкий ветерок. Чувствовалось, что где-то рядом течет река – с мостами и птицами. Он не дотрагивался до нее. Они шли рядом по пустынным, плохо освещенным улицам. И действительно вышли к реке, оказавшейся шире, чем она думала. Он знал, где они будут есть. Привел ее в старый квартал с домами времен Ренессанса и барокко.

WHO IS YOUR FAVOURITE PAINTER? Кто твой любимый художник?

Рембрандт.

WHY? Почему?

Не так-то легко ответить, пришлось сначала подумать. Тени, причудливо падающие на лица. Чередование света и тьмы символизирует ход времени. Лицо художника на автопортретах с течением времени менялось, тени становились глубже, а глаза оставались прежними. В портрете жены, Саскии ван Юленборх, он сконцентрировал время. Он знал, что время совершенно равнодушно ест материю. И спасал кусочек вечности. Эмм не вмешивался, не перебивал. Датчанин Кьеркегор хорошо это выразил: мы – пленники времени, в котором разбросаны капли вечности. В некоторые моменты нашего существования мы переживаем такие мгновения вечности здесь и сейчас. Пузырьки вечности или

лопаются, или включают нас в себя. Тогда мы перестаем чувствовать, что мы в плену, на мгновение мы свободны. Она замолчала. О чем она говорила, действительно ли о картинах Рембрандта?

FOR ME KLEE IS THE GREATEST. Для меня нет никого выше Клее.

Источник постоянного вдохновения. Игра цвета, невесомость. Материя не давит, она легче воздуха. Ей тоже нравится Пауль Клее. Ресторан был почти пуст. Белые стены. Растение с широкими листьями в большом горшке. Звук льющейся где-то воды. Может, там сад за стеной, фонтан? Его меланхоличное лицо, да, она запомнила его как меланхолика. Других следов от беседы не осталось, только одна картинка, противостоящая времени.

ГОЛУБОЙ МЯЧ

и скалистый пейзаж. Колючие горы Югославии, и между ними – бурный поток. Яркий голубой мяч, крутясь, уносится водой. На берегу стоит мальчик, лет пяти-шести. Это его мяч, и мальчик несчастен. Наконец мячик исчезает под водой между острыми камнями. Дальше слишком труднопроходимо. На берегу между двух камней лежит женская сумочка. Мальчик берет ее в руки, он в слезах. Продолжение разговора в ресторане она не помнила, вместо этого память предложила эту картинку, откуда она? Откуда берутся картинки, которые замещают слова, контексты, связи? Когда она вспоминала тот вечер одиннадцать лет спустя, ей показалось, что Эмм рассказывал в ресторане о смерти своей матери.

ТЕНИ

прятались в комнате отеля. Они сидели в ее номере, она – на простом стуле у окна, он – в кресле у круглого столика. Настольная лампа бросала мягкий свет. На трехстворчатом окне висели грязные зеленые плюшевые портьеры. Если

днем хочется избавиться от света, можно закрыть шторы. Но сейчас они были раскрыты, как занавес. Она сидела на сцене, Эмм был зрителем. Чернота за окном. Она наслаждалась тем, что ничего не надо говорить. Никакого принуждения к разговору. Они поели, прошли по темным улицам, и он, как будто это само собой разумелось, без наглости, последовал за ней в ее номер. Она не знала, надо ли им спать вместе, хочет ли она этого. Она сказала, не глядя в его сторону, что живет не одна.

I HAVE A WIFE. Я женат.

Она сказала, что и ребенок у нее есть.

SO HAVE I. И у меня.

У него оказалось двое. Она повернулась к нему, когда рассказывала, что всегда хотела много детей, но у нее только одна дочь. Отец ее ребенка не хотел больше детей. После развода она стала жить с другим человеком. Но он тоже был против того, чтобы завести с ней детей, хотя ей этого очень хотелось. Это причиняло ей боль. Разве дети не являются естественным продолжением любви? Мужчина, не хотевший иметь с ней детей, сделал, однако, ребенка другой женщине. По ошибке, сказал он. Одновременно она узнала, что не сможет больше родить. Что-то не в порядке. То, что она уже родила ребенка, было чудом. И она пришла в отчаяние. В ее жизни возник порог, который не переступишь. Она не понимает, почему она открылась ему, незнакомцу, в отеле чужого города. И замолчала. Эмм тоже молчал, казалось, он затерялся в глубоких тенях комнаты. Она прислонилась головой к окну, его холод освежал. Напротив стоял серый дом без единого горящего окна. Внизу, в темной шахте улицы, она заметила движение какого-то существа и попыталась его рассмотреть. Старая женщина, в платке и в тряпье, тащила за собой тачку. На углу она попала под тусклый свет от фонаря, стоявшего на перекрестке.

HOW LONG DID YOU STAY WITH THIS MAN AFTER THE CHILD HE MADE BY MISTAKE? Сколько ты потом оставалась с мужчиной, сделавшим по ошибке ребенка другой женщине?

Она забыла, что не одна в комнате. Спокойно ответила: я и сейчас с ним живу. Эмм сказал, что он вряд ли бы такое выдержал. Он говорил без иронии, без притворства. Она подалась к нему, чувствуя желание. Влечение, которое проснулось в тот момент, когда он сел рядом с ней в самолете.

ХОТЕТЬ РЕБЕНКА:

тут женщина подавляется биологией. Она замечала это у многих, и у нее самой так было. Непостижимо мощный двигатель, сила природы. Больше, чем что бы то ни было, инстинкт материнства давал ей почувствовать, что она женщина. Ничто не приносило больше сложностей. Мужчины не хотели детей. С другой женщиной – может быть. Но не с ней.

МУЖЧИНА ДОЛЖЕН НОСИТЬ СВОЮ ЖЕНЩИНУ НА РУКАХ

Однажды, во время бракоразводного процесса с отцом своей дочери, она неожиданно разрыдалась в университете, диктуя письмо секретарше, – облокотилась о край стола, и слезы потекли рекой. За окном шел снег, а внутри было сухо и серо. Самое обычное утро. Немолодая секретарша с умными глазами терпеливо выслушала бурные упреки, которые молодая женщина адресовала самой себе. Она оправдывала отца своего ребенка по всем пунктам. Это она сама работает слишком много, не зная покоя, не такая, какой должна быть мать, не такая, как была мать мужа. Ею что-то движет, но что? Желание найти истину, но какую? Она знает, что живет неправильно, не в гармонии с собой. Она закручена как спираль, напряжена как струна. Ей начинает казаться, что, что бы она ни делала, она отдаляется от своего ребенка. Может быть, уязвимость дочери – слишком мучительное напоминание о другом, заброшенном ребенке, с которым она давно потеряла контакт, занятая попытками быть на высоте и все

смочь, – о самой себе. Муж сказал, что они очень скоро разъедутся и что он никогда ее не любил. Он выбрал ее за волевые качества, но ошибся в ней. Земля закачалась. Она не знала, в каком волшебном саду должны воспитываться дети, она была не способна создавать никакие сады. Время охотилось за ней.

Секретарша ласково, почти с любовью, погладила ее по голове и спокойно сказала: «Мужчина должен носить мать своего ребенка на руках». Молодая женщина перестала плакать и подняла красные глаза на секретаршу. Эти слова изумили ее. Та продолжала: если бы ее собственный муж этого не делал, да к тому же не окружал бы ее цветами в те моменты, когда вынужден опустить ее на землю, она бы с ним не осталась. И то, что у них трое детей, не сыграло бы никакой роли. Молодая женщина смотрела в окно, где не переставал падать снег. Она послушно выпила воду, принесенную секретаршей.

После этого случая она не перестала упрекать себя, разбирать свои недостатки, брать вину на себя, но часто размышляла, каким образом этой незаметной секретарше удалось так высоко себя поставить.

В СЕНТЯБРЕ:

она поехала на метро в Большую церковь Стура Щирка на концерт. Бенджамин Бриттен, Букстехуде и Бах, орган и хор. Это было очень красиво. Она сидела на скамье одна и немного мерзла. Она могла бы позвонить старым друзьям, которых совсем забросила, но не стала. У нее не было сил общаться.

МАРИЕНКИРХЕ

Там она впервые встретила имя этого композитора, Букстехуде. Тогда она считала, что имя должно произноситься как французское: Бюкстюд. Первая самостоятельная поездка за рубеж. Ей пятнадцать лет, языковые курсы в Любеке. Следы войны были еще очень заметны. На перекрестке лежали

кирпичи. Колокольню церкви не восстановили после бомбежки, внутри на полу лежали большие часы, на том самом месте, куда они упали.

Она жила в местной семье. Отец семейства держал лавку материалов для строительства печей – кирпича, кафеля. Однажды они все вместе поехали в Травемюнде посмотреть фейерверк. По дороге отец остановил свой голубой «Фольксваген» и показал на противоположный берег. Можно было различить ровный белый песок, низкие кусты и солдат. Отец сказал: они там живут, в лагере. Она увидела внутренним зрением охранников, солдат, собак и вздрогнула. Там была восточная сторона. Как трещина шла по миру. Это ее возмутило. Потом они ходили туда-сюда по берегу, небо было покрыто огнем, искрами и взрывающимися каскадами света – темно-красный, ледяной зеленый и белый. Те, на другом берегу, тоже видят салют, подумала она. Его специально здесь сделали, чтобы они увидели.

С дочкой принимающей семьи она ездила на слет скаутов. Девочки из западной части страны, держась за руки, пели под высокими дубами о воссоединении Германии. Она стояла позади круга, сунув руки в карманы, рассматривала светлое вечернее небо над дубами, и ей было очень плохо. Никто не упоминал о войне, преступлениях нацистов или концлагерях – как будто их не существовало. Единственное, что было, – лагерь на той стороне и свобода на этой. Она решила, что имя композитора непременно должно произноситься на французский манер. Три недели она сохраняла подозрительность ко всем вокруг, хотя мать семейства объяснила ей, что они не имели к войне ни малейшего отношения. Все равно ей было неспокойно. Вокруг творилось что-то, чего она не понимала, что-то скрывалось. Ей все было противно: легкость, с которой они жили, большой сад, бассейн. Она запомнила название одного фильма: «Die M?rder sind unter uns» («Убийцы среди нас»). Мысли о войне овладели ею, точно ночной кошмар. Но хуже всего была ложь. Что они врали. Она часто уходила куда-нибудь одна – как-то вечером на концерт в Мариенкирхе.

ПРАВДА

Это тянулось больше года – летом он переехал на съемную квартиру, но не перестал приходить туда, где они раньше жили вместе, желать ее, спать с ней.

Когда он утром покидал ее, она чувствовала, как костлявые пальцы смерти сжимаются на ее шее. Он не врал, он любил обеих. Такая вот простота. Она считала это неприличным, а для него это было нормально. Две женщины, больше он от жизни не просил. Если бы кто-нибудь раньше ей сказал, что она окажется в такой ситуации, она бы рассмеялась. Обман рос с каждым днем, и она теряла опору. Его чистосердечность была жестокой невинностью святого. Кто-то должен был поставить точку. Мужчина этого не сделает. Кто-то из женщин. Интересно, кто?

В ОКТЯБРЕ:

она с радостью приняла приглашение на конференцию в Мадриде и более чем охотно покинула на несколько дней башню, куда сама себя заточила. Теплым и безветренным вечером она зачем-то свернула с площади Независимости в парк Ретиро. Там она остановилась у пруда с памятником Альфонсу XII, застыв от восторга. Мраморная скульптура отражалась в воде. Лодка с гребущим мальчиком и девочкой на корме прочертила темно-зеленую линию на желтом отражении мрамора. Меняющиеся виды, застывшие мечты.

PARQUE RETIRO

Она пошла куда глаза глядят, углубляясь все дальше и дальше в парк. Парк уединения? Она прошла по травяному ковру под высокими деревьями, где дети играли в мяч, слушала их отдаляющиеся голоса. Бродила по дорожкам из гравия между ухоженных кустов. Грело солнце. Там, где дорожка расширялась, стоял ряд деревянных столиков. Здесь гадали. Она сразу захотела, чтобы ей погадали. Цыганка гадала по руке, мужчина с большой бородой предсказывал будущее с помощью каббалы, но большинство гадало по картам таро. Ей хотелось тихо и спокойно выбрать того, кто раскроет ее судьбу, и она медленно шла вдоль ряда. Наконец она его нашла, мужчину лет шестидесяти со стершимися чертами лица, в темно-синем пиджаке и красной шерстяной косынке на шее. Рядом с картами таро лежали сигареты «Фортуна». На столе стояла табличка с его именем – профессор Фалькхом, футуролог. Гадание на кастильском, каталонском, итальянском и немецком. Она подошла к летнему кафе за его спиной и заказала

кофе. Других посетителей не было. Совершенно одна, в тишине и покое, она могла рассмотреть профессора Фалькхома со спины. Она достала из сумки испанскую газету «Эль Паис» и закурила. Вдруг он встал и пошел прочь по дорожке. Она тоже поднялась, почему-то возмутившись, и постучала монеткой по столу, чтобы заплатить. Как будто бы у нее была запланирована встреча с этим мужчиной в синем пиджаке. Но не стоило волноваться, он вернулся к своему столику. Когда появилась толстая официантка, она заказала еще один кофе и уставилась в «Эль Паис», в статью о Сараево. Наконец стало уже невозможно отодвигать важную встречу дальше. Она убрала газету в сумку и поплелась к столику гадателя.

ПРОФЕССОР ФАЛЬКХОМ

смотрел на нее без удивления. Попросил присесть на стул напротив. Смешал потрепанные карты. Гадать о любви? Она промолчала. У всех проблемы с любовью, уверенно сказал профессор Фалькхом и глубоко и горестно вздохнул. Она почувствовала к нему симпатию. Замужем ли она? После секундного замешательства она сказала: «Да». Но больше никаких сведений давать не собиралась. В парке по-прежнему было жарко, она чувствовала тепло солнца на шее и слышала птиц. Он разделил карты на три стопки и предложил выбрать одну. Медленно ставя карту за картой в металлический штатив на столе, он сунул сигарету в уголок рта. Она дала ему прикурить. Он бросил на нее взгляд. Светлые серые глаза, слегка водянистые.

Затянувшись и мельком взглянув на карты, профессор Фалькхом с воодушевлением сказал: MACHEN SIE KAPUTT MIT DIESER EHE UND SOFORT. Срочно разводись – такого прямого сообщения она не ожидала. У нее перехватило дыхание. Как вы можете так говорить? Профессор Фалькхом пожал плечами. Она вытащила из сумки блокнот, ни одно его слово не должно ускользнуть. Покажите карту, которая об этом говорит, попросила она. Он протянул указательный палец к карте в верхнем ряду. Она наклонилась и увидела, что там изображен стол с множеством круглых бокалов. Два из них были опрокинуты. Угадали, сухо констатировала она, вам удалось угадать. Он передвинул палец к карте ниже – горящий дом, пламя вырывается из всех окон, – и поднял на нее глаза. Вы ничего не выигрываете, откладывая это,

сказал он. Брак, очевидно, уже распался: KAPUTT. Но не хватает вашего решения. Если вы этого не поймете, вас ожидает много горя и всяких проблем. Она записала его слова: KAPUTT; GROSSE SORGEN. Ах, вот как, сказала она ошарашенно и отложила ручку. Но если вы освободите себя, если вы разойдетесь, продолжал профессор Фалькхом с удвоенной энергией, появится новый мужчина, SOFORT. Новый мужчина, тотчас? Она рассмеялась. Как вы можете говорить так уверенно? SOFORT, SOFORT, настаивал профессор.

Было ли что-то в ее лице, что разоблачило ее? Следовали ли ее жизнь и ее брак невидимому распорядку? Когда она посмотрела профессору в глаза, они были невыразительны, слегка усталы, как будто видели слишком много. Она перевела взгляд вверх, где листья медленно качались на деревьях. Что за мужчина? – спросила она. Профессор ткнул пальцем в карту. Она придвинулась поближе и увидела: рыцарь оседлал чахлого коника. Ей показалось, что рыцарь слегка нетрезв и чуть не падает из седла, но, может быть, он просто нагнулся, чтобы что-то поднять, или только садится в седло. Это он? – недоверчиво спросила она. Профессор Фалькхом кивнул. Выглядит ненадежно, сказала она. Вы не правы, возразил профессор. Он постучал костяшками пальцев по шатающемуся рыцарю. Эта карта легла сразу после накрытого стола. Мужчина не ненадежен. Наоборот, это отличная партия для вас, свободный и со стабильным финансовым положением. Но, профессор Фалькхом, воскликнула она, какие клише – свободный, стабильное положение! Символы, поправил профессор. Человек, которого вы встретите, если сделаете, как я говорю, будет гораздо интереснее того, за которым вы сейчас замужем: VIEL MEHR UNTERHALTEND. Она задумалась. Интереснее, это неплохо. Он будет вас любить, сказал профессор. Но если затянете с разводом, вы упустите шанс. Она не смогла не улыбнуться его тону, но слова запали ей в душу. Ваш брак уже распался, повторил он. Не хватает только решения с вашей стороны. Он посмотрел на нее. В его глазах мелькнуло нечто вроде теплоты. Не сомневайтесь, сказал он. Вы еще не старая. И хорошо выглядите. Всегда надо принимать какие-то решения.

Он протянул ей мятую пачку сигарет. Она вытащила одну «Фортуну». Профессор углубился в остальные карты. Они говорили, что со здоровьем у нее все в порядке. Возможно, легкий гастрит, но беспокоиться не о чем. В ближайший месяц ей надо быть осторожнее за рулем, возможна небольшая авария, где она повредит левую ногу. На работе все будет хорошо. На самом деле, она добилась уже некоторых успехов, а скоро добьется еще большего. Никто в семье не умрет

в ближайшее время. Она слушала молча. Информация казалась успокаивающей. Ваше будущее выглядит светлым, сказал профессор, но вам нужна и настоящая любовь. Не стоит ждать долго. Когда встретите нового мужчину, вы на все посмотрите другими глазами. Она кивнула. Когда он появится? – спросила она не без нетерпения. Профессор Фалькхом подумал и предположил: в течение трех-четырех месяцев, самое позднее – в январе-феврале. Ей не надо специально к чему-то готовиться, просто надо быть открытой.

Пришла пора открыть секретную карту, которая должна сообщить главное. Он попросил, чтобы она сама ее перевернула. На карте оказался изображен человек, неуверенно идущий по мосту. Животное, напоминающее кролика, но, вероятно, означающее собаку, кусало его за голень. SEHEN SIE! – воскликнул профессор Фалькхом с торжеством и посмотрел ей в глаза. Все очень хорошо, сказал он, но у вас есть слабое место, так утверждает карта: нестабильность в любви. Все остальное у вас хорошо. SEHR; SEHR GUT: NUR MIT DER LIEBE IST ETWAS NICHT IN ORDNUNG; EIN WEICHER PUNKT.

Он собрал карты, сеанс был окончен. Совсем другим тоном он поинтересовался, чем она занимается. Преподаватель, интеллектуал? Да, так он и думал. Она была разочарована, что все быстро закончилось. Не может ли профессор Фалькхом сказать побольше об этом мужчине? Сколько ему лет, например? Профессор пожал плечами. Сорок семь, сказал он. Или сорок пять. У профессора определенно были скандинавские корни. Капля северной крови досталась ему вследствие вторжения Испанской армады в норвежскую бухту. Один раз он был в Норвегии. Он пригласил ее приходить еще. Как говорят карты, она вернется в Мадрид в апреле 1994 года. Тогда, ему кажется, ей стоит его разыскать. Почему вы, профессор, сидите и гадаете в парке Ретиро? Он психолог по профессии, ответил профессор Фалькхом, а карты таро дают ему возможность помогать людям, и он занимается этим больше тридцати лет. Еще он дает частные консультации, CONSULTA PRIVADA. И протянул ей визитную карточку.

Она снова пошла через парк. Она была так возбуждена, что дрожала. Она представила профессора Фалькхома у себя дома, в обычной обстановке, на окраине Мадрида, еще там была собака, женщина – и не вполне зажившая старая душевная рана.

МАДРИД, ПЛАСА МАЙОР

Испанская тортилья, бокал вина. Солнце скрылось за облаком. Голуби на площади, шумно хлопая крыльями, оторвались от земли и пролетели над столиками кафе. Стая птиц была похожа на крупный дождь, вдруг поднявшийся обратно в небо. Она смотрела на них, запрокинув голову.

ЭЛЬ ПАИС:

смерть привлекла ее внимание. Луис Розалес, хороший друг Гарсия Лорки, возможно и предавший его: это у него в доме Лорку захватила гражданская гвардия – те, кто потом убили его выстрелом в анус за гомосексуализм.

СОН

в последнюю ночь в Мадриде, в отеле, был страшный. Проснувшись, она помнила только кусочек – будто бы дала в газету объявление о продаже квартиры матери. Потом позвонила в больницу и услышала, что мама умерла четыре дня назад вместе с тремя остальными, и всех уже похоронили. До этого о смерти матери никто ей не сообщал.

Когда она проснулась, чувство опустошения не отпускало. Кто умер вместе с мамой? Обоих родителей уже не было в живых, но в детстве в их рано распавшейся семье их было четверо.

Она решила позвонить сестре, когда приедет домой.

ПОКИДАТЬ КОГО-ТО

всегда сложно. Может, он бросил ее задолго до того, как она заметила? Он не хотел ее бросать. Он твердил это и по телефону, и в письмах. Не хотел, но был вынужден. Он возвращался и бросал ее снова. Святая невинность. Но она не была ангелом.

Она была парализована, стерта, перемолота и брошена в забвение любовью.

Это было ужасно, она молила о пощаде. Профессор Фалькхом спас ее, положив конец сумасшествию.

МУЖЧИНЫ

Отец. Много раз она собиралась написать о своем отце в надежде, что это поможет ей лучше понять мужчин. Когда он лежал при смерти, она начала вести дневник. Но это ничего не помогло понять, и после ста страниц она бросила. Несколько раз они с сестрой пытались вспомнить, когда именно отец от них ушел. Воспоминания были смутны и невнятны. Родители официально не разводились, отец просто уехал. В то время она была подростком. Лет десять он снимал скромную комнату с отдельным входом, но общим туалетом. Дочери навещали его, всегда втайне, матери ничего нельзя было говорить. Все было временным, в постоянном ожидании разрешения. Может, он вернется? Никто не знал. К нему приезжали на велосипеде с бухающим сердцем. Прыгали по ступенькам, их было пять. Когда он открывал, становилось радостно.

Все вели себя так, будто он никуда не уезжал. Если ему кто-то звонил, давали его рабочий телефон. Мать перетягивала их на свою сторону: отец предатель, трус, не мужчина. Кто осмелится возражать? Но дочери втайне продолжали его любить. Этот любимый человек со своим шатающимся миром был для дочерей точкой опоры. Центром мироздания. И позже, когда они подросли, осталась главная загадка: побег мужчины от женщины. От женщины к женщине. Им хотелось не огорчать отца и быть такими, какими он желал их видеть.

Какой должна быть женщина? Однажды отец сказал, какой: A BIG CIGAR, как БОЛЬШАЯ СИГАРА. Сильная, без ложной скромности, умеющая обращаться с мужчинами. Но как стать такой? У женщины есть рана, думала она, что, если эта рана пугает мужчин? Она должна скрывать свою рану ради мужчины, чтобы он избавился от страха. А может, это отвращение? Этого никто не знает, и неизвестно, как узнать.

Временное становилось постоянным. Прошел год, два, потом и пять и шесть. Каждое Рождество он приезжал на велосипеде с рюкзаком подарков. Праздник проходил крайне напряженно, потом у всех болела голова и требовались недели, чтобы прийти в себя. Они жили одновременно в двух мирах, разделенных непроницаемым барьером: в одном, условном, брак родителей продолжал существовать, другой мир был реальный, но про него нельзя было говорить.

Отец встречался с другими женщинами, почему бы и нет? Он рассчитывал, что может доверять дочерям, и, не смущаясь, рассказывал им о своих подругах. По рассказам выходило, что он пользовался успехом.

ЖЕНЩИНЫ

Мать. Позже, через много лет, ей показалось, что она поняла ощущения матери и почему той не удалось ничего сделать: не в душевной ли ране причина, не в глубоком ли ущелье, перерезавшем карту женской судьбы, как случается уже много веков.

ПИСЬМО

С годами стало сложнее. С годами – пока длилось временное состояние – стало сложнее различать свое отражение в зеркале, его очертания расплывались, как мутное пятно. Ей часто стало сниться, как она пытается написать свое имя, но чернила оказываются белыми, и на бумаге не остается следа. Она сдала

выпускные экзамены и уехала из родительского дома. Человек должен сам решать, каким ему быть, думала она, женщина без слабостей. Ложь и правда, реальность и фантазии – все смешалось в одну кучу. Неясность, точно туман по вечерней долине, распространялась на все: на образ жизни, на отношения между полами. Ее разрывало чувство вины за то, что она бросила мать и младшую сестру.

Однажды, на седьмой или восьмой год после его переезда, она написала отцу письмо. Не пора ли подумать о принятии какого-нибудь решения? Если он захочет развестись, его дочери отнесутся к этому спокойно. Любая ясность была бы выходом для всех. И только он может разрешить ситуацию. Она не хотела задевать чувства отца, но все равно письмо его возмутило. Он ответил, что не может допустить, чтобы кто-нибудь лез в его дела. Она оскорбила отца – ей хотелось этого меньше всего. Их отношения после этого надолго стали прохладными. Просьбу принять решение или хотя бы подумать над возможностью принятия решения он воспринял как вторжение. Но разве его дела не были в какой-то степени и их делами? Из-за него они находились в подвешенном состоянии. Она не знала, как было на самом деле. Может, у отца были свои обстоятельства, о которых она не догадывалась? Может, он не хотел разводиться ради детей или надеялся, что прежние чувства к жене каким-то чудом вернутся? Она не исключала также, что ситуация «между женщинами», когда он недоступен одной из-за другой, его очень устраивает.

Однако сразу после ее письма он подал на развод, как бы послушавшись старшей дочери. Вскоре он женился снова – на волевой женщине. Наверное, нашел в ней большую сигару. Через несколько лет он надумал положить конец и второму браку и попытался найти поддержку у дочерей, но безуспешно. Его сильная жена решительно этому воспротивилась: он стал страдать от болей в сердце, и она свалила всю вину на дочерей. Судьба отца не дала ответов – ни жизнью, ни смертью.

МИРО:

в последний день в Мадриде она опять пришла к любимым картинам Миро. Играющий ребенок. Ответственность, которую она взяла на себя в жизни или которую на нее возложили другие, была тяжела. Как простить себя, чтобы стать

тем, кто ты есть?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию (http://www.litres.ru/agneta-pleyel/perezhit-zimu-v-stokgolme-2/?lfrom=201227127) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Купить: https://tellnovel.com/ru/agneta-pleyel/perezhit-zimu-v-stokgolme-kupit

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить